

не укрепляет позиций автора, ибо, во-первых, имеет в виду не Юго-Западную, а Восточную Таврику, а во-вторых, такого рода неконкретные, косвенные ссылки можно подобрать к любым историческим периодам.

Статья Д. Л. Талиса как по своей методологии, так и по фактическому материалу и, соответственно, по своим умозаключениям несостоятельна, его попытку передатировать Сюреньское укрепление нельзя признать серьезной.

А. Л. Якобсон

Новые работы по истории греческой культуры послевизантийского периода

М. Ι. Μανουσάκας. Ἀνέκδοτα πατριαρχικά γράμματα (1547—1806) πρὸς τοὺς ἐν Βενετία μητροπολίτας Φιλαδελφείας καὶ τὴν ὀρθόδοξον ἐλληνικὴν Ἀδελφότητα. Βενετία, 1968.

Греческое братство в Венеции возникло в 1498 г. Крупнейшая греческая колония вне порабощенной турками Греции, важный центр национальной культуры и просвещения, Венецианское братство на протяжении столетий привлекало к себе внимание патриархов Константинополя, Александрии и Иерусалима. Особенно тесно оно было связано с константинопольским патриархатом, в церковно-административной зависимости от которого находилось с момента своего образования. Свидетельством этих взаимоотношений являются хранящиеся в венецианских архивах, и прежде всего в архиве Греческого братства, многочисленные грамоты константинопольских, александрийских и иерусалимских патриархов середины XVI — начала XIX в.

Частично эти документы были изданы 100 лет назад знаменитым историком Венецианской общины Иоанном Велудосом¹. Однако 40 патриарших грамот, написанных между 1547 и 1806 гг., оставались до последнего времени неизвестными. Изданию и исследованию их текста и посвящена книга проф. М. И. Мануссакаса.

Обнаруженные М. Мануссакасом в «Древнем архиве» братства (Παλιὸν Ἀρχεῖον τῆς Ἑλληνικῆς Ἀδελφότητος Βενετίας), принадлежащем ныне Греческому институту византийских и послевизантийских исследований в Венеции, эти документы распределяются следующим образом: 27 грамот вышли из канцелярии константинопольских патриархов, 8 — александрийских, 5 — иерусалимских. К XVI столетию относятся 13 грамот, к XVII — 9, к XVIII — 17, к XIX — 1; 36 грамот сохранились в подлинниках, 4 — в более поздних копиях.

Содержание издаваемых документов раскрывает перед нами различные стороны внутренней жизни Венецианского братства, его взаимоотношения с итальянскими государствами, с православными общинами Константинополя, Александрии, Крита. Мы не ставим перед собой цели дать систематический обзор содержания опубликованных М. Мануссакасом документов: частично это уже сделано в появившихся рецензиях книги², еще более полно содержание грамот смогут оценить будущие исследователи греческой культуры XVI—XVIII вв.³ Свою же задачу мы видим в том, чтобы показать, во-первых, роль работы Мануссакаса в развитии новогреческой дипломатики как науки и, во-вторых, то значение, которое имеет эта книга для исследования греческих грамот советских хранилищ.

Несмотря на большое число работ, посвященных изданию и изучению греческих документов XVI—XIX вв., новогреческая дипломатика до недавнего времени не имела четких правил издания документов, подобных, например, правилам издания актов византийской эпохи. В последние годы в ряде работ греческих ученых (в том числе самого М. Мануссакаса) стал выработываться тот принцип издания позднегреческих документов, который и был принят в рецензируемой книге.

Каждый раздел, посвященный одному документу, состоит из трех частей: 1) дата документа; краткое содержание; шифр оригинала или копии, по которым издается текст; детальное палеографическое описание; 2) текст издаваемого документа; 3) подробные «сколии» — комментарии, которые в работе М. Мануссакаса представляют собой целую серию специальных исследований. Если устранить два недостатка той части, где находится описание документа: отсутствие а) сведений о филигранных бумагах, на которой написана грамота, и б) датировок тех копий, которые заменили исчезнувшие подлинники и являются, таким образом, оригиналом изучаемого текста, — то издание Мануссакаса можно считать образцом, которому должны, на наш взгляд, следовать теперь издатели греческих документов XVI—XIX вв.

Важным достоинством работы М. Мануссакаса является хорошо продуманное иллюстрирование издаваемых грамот: к книге приложены 22 прекрасного качества фото-

¹ Ι. Βελούδος. Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῶν οἰκουμένων πατριαρχῶν ἀνήκοντα εἰς τοὺς Φιλαδελφείας μητροπολίτας, ὑπερτίμους καὶ ἐξάρχους πατριαρχικοὺς καὶ προέδρους πνευματικοὺς τῆς Ἑνετικῆς τῶν ὀρθοδόξων Κοινότητος. Ἐν Βενετία, 1873.

² См. рецензии: N. Camarano — RESEE, 8, 1970, p. 572—573; O. Kresten — JÖB, 49, 1970, S. 307—310; G. Veloudis — BZ, 64. Bd., H. 2, 1971, S. 367—369; P. S. Nás-turel. — «Südostforschungen», 30, 1971, S. 536—537; A. Pippidi. — «Revue Roumaine d'Histoire», 1971, 1, p. 189—191; Α. Πολίτης. — «Ἑλληνικά», 24, 1971, σελ. 191—194.

³ См. уже, например: N. Camarano. Alexandre Macrocordato, le grand drogman. Son activité diplomatique. 1673—1709. Thessaloniki, 1970.

графических образца почерков патриарших писцов, однако эти 22 таблицы дают представление о писцах 26 грамот, так как иногда несколько документов писаны одной рукой. Можно, конечно, пожалеть, что остались без иллюстраций некоторые документы, особенно XVI — начала XVII в. (например, № 7 или 8, 13, 15, 16), но все же нельзя не быть признательным издателю за возможность ознакомиться с почерковым разнообразием греческих документов архива Венецианского братства.

Изучение почерков греческих грамот XVI—XVIII вв. необычайно перспективно как для новогреческой дипломатики, так и для греческой кодикологии и палеографии. Перспективность такого изучения для первой дисциплины заключается в том, что, определяя по почерку ряд документов, вышедших из-под пера одного и того же писца, мы сможем в дальнейшем достаточно полно представить себе хронологические границы и объем работы писцов патриарших канцелярий послевизантийского периода, установить преемственность в работе писцов, изучить особенности составления документов в разные эпохи. Важность же такого изучения для греческой кодикологии и палеографии состоит в том, что оно открывает новые возможности для исследования рукописной книги: 1) часто писцы патриарших канцелярий одновременно являлись и переписчиками книг; поэтому, имея перед собой рукописную книгу без выходных данных (имени писца, даты и места написания) и написанные тем же писцом грамоты (которые всегда локализованы и датированы), мы можем с большой степенью точности определить место и время создания рукописи; 2) на материале греческих документов патриарших канцелярий можно значительно проще и надежнее изучить особенности, по крайней мере, двух «школ письма» XVI—XVIII вв. — константинопольской и александрийской — и использовать полученные результаты для палеографического исследования греческой рукописной книги этого же времени.

Таблицы книги М. Мануссакаса позволяют сделать немало наблюдений во всех названных направлениях. К конкретному рассмотрению этой части рецензируемой работы мы и переходим.

Табл. 1. Здесь воспроизводится грамота 1547 г. вселенского патриарха Дионисия II. Этим же писцом написаны грамота того же патриарха Ивирскому монастырю на Афоне в марте 1548 г.⁴ и грамота патриарха Иоасафа II 1557 г. русскому царю Ивану IV⁵.

Табл. 3 воспроизводит текст грамоты 1580 г. константинопольского патриарха Митрофана III. Писец этого документа переписал, как можно установить по почерку, часть текстов в интереснейшей рукописи БАН — Q № 14⁶, переписанной, за исключением более поздних добавлений, писцами константинопольской патриаршей канцелярии.

Табл. 4, 7—9. Представленные на этих четырех таблицах образцы почерка принадлежат, по определению М. Мануссакаса, знаменитому константинопольскому писцу логофету Великой церкви Александру, сыну Иеракса, и датируются соответственно 1590, 1597, 1599 и 1603 гг. Основой для идентификации по почерку являются здесь, во-первых, хорошо известные автографы Александра^{6а}, и, во-вторых, издаваемая самим Мануссакасом грамота 1599 г. (табл. 8), в нижнем правом углу лицевой стороны листа которой писец документа сделал приписку, где называет себя «логофетом, сыном великого логофета» (т. е. Иеракса) и указывает, что именно им написан текст грамоты.

Что касается грамот 1597, 1599 и 1603 гг. (табл. 7—9), то мы полностью разделяем мнение М. Мануссакаса: эти три документа писаны рукой Александра, сына Иеракса. Относительно же почерка грамоты 1590 г. (табл. 4) позволим себе высказать следующее заключение.

Если проанализировать почерк Александра по таким его бесспорным автографам, как табл. 7—9 рецензируемой книги, фото л. 32 об. рукописи Афинской национальной библиотеки № 1474 в работе Х. Патринелиса или табл. 62 в «Альбоме по греческой палеографии» М. Виттека, с одной стороны, и сравнить полученные наблюдения с фактами, представленными на табл. 4, с другой, то придется сделать вывод о том, что мы имеем здесь дело с *двумя* писцами. Их почерки удивительно похожи: кажется, что совпадают и «картина» почерка, его характер, то общее впечатление, которое производят эти вытянутые по вертикали каллиграфические почерки на исследователя, и отдельные детали — характерные красивые росчерки — «хвосты» λ и ξ в сочетаниях ελ, αλλ, εξ; χ с поставленным вертикально первым элементом и положенным почти гори-

⁴ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, Taf. 98.

⁵ ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, № 1.

⁶ И. Н. Лебедева. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, том 5. Греческие рукописи. Л., 1973, стр. 79—81. Отнесение в каталоге почерка на лл. 1—19 об., 47—47об., 135об. — 136 к концу XV в. является неверным — эти листы, а также л. 155об. писаны патриаршим писцом конца XVI в., рукой которого также писана воспроизводимая в книге М. Мануссакаса на табл. 5 грамота Иеремии II 1594 г. (см. ниже, стр. 197).

^{6а} Х. Г. Патринέλης. Πατριαρχικά γράμματα καὶ ἄλλα ἔγγραφα καὶ σημειώματα τοῦ ἱερέως — ἡγ' αἰώνος ἐκ τοῦ κώδικος τοῦ Ἱεράκος (Ἐθν. Βιβλιοθ. Ἑλλ. 1474). — «Ἐπετηρίς τοῦ Μεσαιωνικοῦ Ἀρχείου», 12, 1965, σελ. 116—165; M. Wittek. Album de paléographie grecque. Gand, 1967, pl. 62.

зонтально вторым; идентичной формы χ и многое другое. Вместе с тем имеются различия, не позволяющие признать в почерке табл. 4 и табл. 7—9 одну руку: строгая вертикальность письма Александра, с одной стороны, и хорошо видимый наклон вправо у писца табл. 4 — с другой; открытая форма θ у Александра *никогда* не начинается с опущенного влево — вниз «хвоста», тогда как у писца табл. 4 открытая форма этой буквы *всегда* начинается именно с такого «хвоста»; при наличии одинаковых принципов написания μ — с опущенными «ножками» и высоко поднятой петлей — нельзя не заметить и важного различия в «исполнении» этой буквы: у Александра «ножки» μ более высокие, особенно левая, которая *всегда* начинается движением снизу — *слева* вверх — направо; у писца табл. 4 «ножки» этой буквы пониже, вся буква «помятче», левая «ножка» *всегда* пишется движением снизу — *справа* вверх — налево и затем направо. Имеется и еще ряд отличий этих почерков, но мы ограничимся описанными выше — они представляются наиболее показательными, достаточными для различения двух почерков.

Так как грамота, представленная на табл. 4, датируется 1590 г., а грамоты таблиц 7—9 — от 1597 до 1603 гг., можно было бы попытаться объяснить указанные отклонения в письме документов начала и конца 90-х годов тем промежутком времени, который отделяет эти грамоты, эволюцией почерка писца, происшедшей за 7 лет. Мы не думаем, однако, что в данном случае такая попытка была бы правомерной — Александр, сын Иеракса, являлся писцом-профессионалом, выдающимся каллиграфом, с исключительно устойчивыми навыками начертания всех букв и соединений. Если бы грамота 1590 г. была написана его рукой, то и в последующие годы, изменив начертание отдельных букв, он не смог бы избежать хотя бы редкого повторения давно заученных и закрепленных практикой навыков. Но раз такого повторения в достаточно большом числе доступных нам образцов его письма нет, мы должны сделать вывод, что табл. 4 книги М. Мануссакаса представляет почерк писца, отличный от почерка Александра, сына Иеракса.

Исключительная близость двух рассмотренных почерков наводит на мысль о том, что почерк грамоты на табл. 4 может принадлежать самому Иераксу, великому логофету Великой церкви. Александр, ставший, подобно отцу, чиновником патриаршей канцелярии, вероятно, получил свою писцовую выучку под руководством Иеракса, почерку которого он стремился подражать.

Известные в науке автографы Иеракса, к сожалению, нам недоступны⁷. Некоторое представление о его почерке можно получить, анализируя его подпись под актом Константинопольского собора 1590 г., утвердившего основание московского патриархата⁸. В этой подписи союз $\kappa\alpha\iota$ дважды написан в такой форме, которая не встречается в автографах Александра. В то же время существует документ, письмо которого, с одной стороны, совершенно идентично письму табл. 4 работы М. Мануссакаса, а с другой — передает $\kappa\alpha\iota$ именно в той форме, как это представлено в подписи Иеракса: мы имеем в виду утвердительную грамоту Иеремии II Львовскому братству 1587 г.⁹ Все это позволяет, нам кажется, считать автографами Иеракса как львовскую грамоту, так и венецианскую грамоту 1590 г. (табл. 4).

Можно также добавить, что во Львове хранятся еще два документа, написанные той же рукой, что и проанализированные выше грамоты 1587 и 1590 гг., — грамоты Иеремии II от ноября 1 индикта (= 1587 г.) и от мая IV индикта (= 1591 г.)¹⁰.

Коснувшись вопроса об особенностях почерка Александра, сына Иеракса, мы не можем не остановиться на результатах недавних работ, посвященных новому автографу этого писца. Х. Патринелис, говоря в цитированной выше статье о книгописной деятельности Александра, заметил, что путем идентификации по почерку им отнесен к числу его автографов известный патмосский кодекс, содержащий письма Мелетия Пигаса — Patm. 396¹¹. Этой рукописи П. Николопулос посвятил специальное исследование, где — вслед за Патринелисом — доказывает тождество почерка Athen. 1474 и Patm. 396¹². Наблюдения Патринелиса и Николопулоса приняты как в рецензируемой книге Мануссакаса, так и в вышедшем двумя изданиями альбоме патмосских рукописей¹³.

Мы не можем согласиться с этим отождествлением. Особенности почерка патмосской рукописи при первом знакомстве с ней действительно создают иллюзию сходства

⁷ А. I. Παπαδόπουλος-Κεραμύς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, т. 5. Ἐν Πετρούπολει, 1915, σελ. 76—78, 85—89.

⁸ W. Regel. Analecta byzantino-russica. Petropoli, 1891, tab. IV.

⁹ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 84. Воспроизведение правой половины листа этого документа см.: О. А. Купчинский, Е. Й. Ружицкий. Каталог пергаментных документов Центрального государственного исторического архива УРСР у Львові. 1233—1799. Київ, 1972, № 708, табл. между стр. 353—354.

¹⁰ ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, №№ 83 и 146.

¹¹ Х. Г. Πατρινέλης. Ἐνθ' ἄνωτ., σελ. 152.

¹² П. Г. Νικολόπουλος. Γραφεῖς καὶ πρότυπα τοῦ πατριακοῦ ἐπιστολαρίου Μελετίου τοῦ Πηγᾶ. Ο Πατριακὸς κώδιξ 396 καὶ ὁ Θεόφιλος Λιβύης.— Σόμμεϊκτα, 1, 1966, σελ. 163—183.

¹³ М. Μανουσακας. Ἐνθ' ἄνωτ., σελ. 42—43; А. Δ. Κομίνης. Πίνακες χρονολογημένων Πατριακῶν κωδίκων. Ἐν Ἀθήναις, 1968, πιν. 67; А. D. Komines. Facsimiles of dated Patmian codices. Athens, 1970, pl. 67.

Handwritten title in Church Slavonic script, likely identifying the recipient or the nature of the document.

Main body of the handwritten text in Church Slavonic script, consisting of several lines of dense, cursive writing. The text is partially obscured by large, bold, stylized characters at the bottom of the page.

Рис. 1. Грамота патриарха Иеремии II Львовскому братству 1587 г. Львов, ЦГИА УССР, ф. 129, оп. 1, № 83.

с почерком Александра, сына Иеракса, однако более пристальный анализ не позволяет признать в письме патмосского манускрипта руку Александра — здесь нет ни строго выдержанной вертикальности почерка логофета Великой церкви, ни его замечательных волнистых росчерков; в патмосской рукописи полностью отсутствуют описанные нами выше употреблявшиеся Александром формы θ , μ и χ . То, что почерки Patm. 396 и Александра отчасти похожи, мы предположительно относим за счет влияния, которое оказывала канцелярия константинопольского патриархата на почерки писцов патриархата александрийского (ибо убеждены, вслед за Ш. Астриком¹⁴, хотя и не имеем здесь возможности развернуто аргументировать этот вывод, что Patm. 396 писан не в Константинополе, а в Александрии).

Табл. 5. Здесь дается образец почерка писца грамоты Иеремии II 1594 г. В хранилищах Ленинграда и Львова имеются еще семь его автографов:

1) ГПБ, греч. 505 — этим писцом писаны последние четыре с половиной строки текста грамоты Иеремии II, данной Львовскому братству в ноябре 1589 г.;

2) ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 102, 104, 105, 147 — весь текст грамоты Иеремии II 1589—1591 гг. в Молдовалахию, Киев и Львов писан писцом табл. 5;

3) там же, № 146 — этим же писцом написаны последние четыре с небольшим строки текста грамоты Иеремии II, направленной в мае IV индикта (=1591 г.) митрополиту Киеван и всем христианам;

4) БАН, Q № 14 — этим писцом писаны лл. 1—19 об., 47—47 об., 135 об. — 136, 155 об. (см. выше, прим. 6).

Так как две первые грамоты были даны львовской общине константинопольским патриархом на обратном пути из Москвы в Константинополь, следовательно, неизвестный нам по имени писец четырех перечисленных документов и одной рукописи приезжал в июле 1588 г. в свите Иеремии II в Москву, в январе 1589 г. принимал участие в поставлении первого русского патриарха и в мае того же года покинул Россию¹⁵.

Табл. 6. Писцом грамоты 1595 г. Мелетия Пигаса М. Мануссакас на основании отождествления по почерку считает самого александрийского патриарха. К числу известных автографов Мелетия Пигаса мы можем добавить еще два: ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 189 — рукой патриарха писаны первые четыре строки грамоты 1593 г., адресованной царю Федору Ивановичу; там же, № 267 — весь текст послания Мелетия 1597 г. во Львов написан его рукой.

Обратившись к грамотам Мелетия Пигаса, мы хотим рассмотреть еще одну группу его документов, писцом которых является, как мы думаем, архидиакон Александр Максим.

Одновременно с рецензируемой книгой вышла в свет дополняющая ее статья М. Мануссакаса, где публикуется грамота 1597 г. Мелетия Пигаса¹⁶. На приложенной к тексту таблице 2 мы видим почерк того же писца, которым писаны и 3 следующих послания александрийского патриарха — 1596 г. во Львов (ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 279), 1597 г. на Милос¹⁷ и 1600 г. во Львов (ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 309). Характерный почерк всех этих документов (см., например, χ с резким изгибом вправо нижней части буквы или две формы λ — «открытая», с отклоняющимися влево «ножками» и часто, но не обязательно, опущенной вправо перекладиной, и «закрытая», с петлеобразными и также отклоняющимися влево «ножками» и петлеобразной перекладиной) идентичен почерку иерусалимского сборника писем Мелетия Пигаса (*Παναγίου Τάφου* 524), писцом которого является Максим, архидиакон Александрии¹⁸.

¹⁴ Ch. Astruc. Théophile d'Alexandrie et les manuscrits de la correspondance de Méletius Pigas. — «Scriptorium», 1, 1946/47, p. 162—164.

¹⁵ В русских документах указано, что вместе с Иеремией II в Москву приезжали «архимандрит, да два священники, да архидиакон, да старец, да казначей, да келарь, да певчий дьячок, да толмач, да девять человек служебников, да с ним же вместе приехали монемвасийский митрополит Ерофей, а с ним старец да четыре человека служебников, да еласонский архиепископ Арсений, а с ним старец да служебник» (ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, № 3, лл. 4об.—5; ср. А. Я. Шапов. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Федора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912, стр. 281). Ручкой этого же писца в акте Константинопольского собора 1590 г. поставлена подпись $\acute{\omicron}$ Πογωνιανής Ἀρσένιος (W. Regel. Op. cit., tab. IV), однако из этого еще не следует, что писцом рассмотренных нами документов являлся митрополит Арсений: во-первых, в указанном акте более 60 подписей неподлинны, они воспроизведены, по-видимому, писцами патриаршей канцелярии (см. Б. Л. Фонкич. Греческие грамоты советских хранилищ. 3. Из истории учреждения патриаршества в России. Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. — «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР». М., 1974, стр. 251—260), а во-вторых, имя митрополита Погонианы Арсения отсутствует в перечне лиц, приезжавших с Иеремией II в Москву.

¹⁶ M. I. Manoussakas. Γράμματα πατριαρχῶν καὶ μητροπολιτῶν τοῦ 15^{ου} αἰῶνος ἐκ τοῦ Ἀρχείου τῆς ἐν Βενετίᾳ Ἑλληνικῆς Ἀδελφότητος. — «Θησαυρίσματα», т. 5, 1968, σελ. 18—22, πιν. 2.

¹⁷ Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Διάφορα ἑλληνικά γράμματα ἐκ τοῦ ἐν Πετροῦπόλει Μουσείου τῆς Ἀ. Ἐ. τοῦ κυρίου Νικολάσ Λικχάτσεφ. Ἰνδ. Πετροῦπόλει, 1907, πιν 2.

¹⁸ Π. Γ. Νικολόπουλος. Ἐνθ' ἄνωτ., φот. 14.

Табл. 11. Представленный здесь почерк писца грамоты 1622 г. Кирилла Лукариса встретился нам в грамотах того же константинопольского патриарха, присланных в Россию и хранящихся теперь в ЦГАДА: ф. 52, оп. 2, №№ 18 (1625 г.), 25, 29, 30 (все — 1626 г.), 42 и 44 (обе — 1627 г.).

Табл. 12—14. Две грамоты константинопольского патриарха Иоанникия II — 1651 и 1655 гг. — написаны одним писцом, которого мы по почерку отождествляем с писцом грамоты Кирилла Лукариса 1628 г., изданной А. И. Пападопуло-Керамевсом¹⁹. В грамоте 1628 г. и в грамотах 1651 и 1655 гг. присутствуют такие особенности почерка, которые, несмотря на значительный промежуток времени, разделяющий эти документы, позволяют провести указанную идентификацию: овальные изгибы влево элементов букв β, ι, κ (инициал), λ (в сочетаниях ἀλλ, ἐλ), μ, ρ, φ; β с увеличенной верхней и уменьшенной, сжатой нижней петлей; γ и π с резким отклонением влево нижней части буквы; δ с резким изломом дуги и т. п. Отличие почерка документов 50-х годов XVII в. от почерка грамоты 1628 г. состоит лишь в том, что почерк позднейших грамот более небрежен, размашист, менее красив. В советских хранилищах имеется немало документов Кирилла Лукариса, написанных рукой этого писца: ЦГАДА, ф. 52, оп. 2, №№ 31 (1626 г.), 55, 58 (обе грамоты — 1628 г.), 64, 65 (обе — 1629 г.), 72, 75 (обе — 1630 г.), 76, 78, 83, 85, 87, 88, 89 (все — 1631 г.), 99 (1633 г.), 111 (1634 г.); ГИМ, Синод: № 523 — грамота константинопольского патриарха Мефодия от мая 1668 г. московскому патриарху Иоасафу II²⁰. Им же переписана грамота Кирилла I 1630 г., хранящаяся в архиве афонского Дионисиева монастыря²¹. Таким образом, судя по известным нам документам, писец грамот, представленных на табл. 12—14 книги М. Манусакаса, являлся писцом канцелярии константинопольских патриархов по крайней мере с 1626 по 1668 гг. Кроме того, он же был и переписчиком книг: его рукой написана рукопись 1644 г. № 626/562 Библиотеки Румынской Академии наук, в составе которой находится «Введение в логику» Феофила Коридаллевса²².

Таковы некоторые наблюдения, которые позволили нам сделать книга М. Манусакаса. Как видно из приведенных примеров, ее значение для разработки греческих документальных фондов советских хранилищ необычайно велико. Ближайшей задачей советских исследователей является научное описание богатейших собраний греческих грамот XVI—XVIII вв. Москвы, Львова, Ленинграда, Киева, и книга проф. М. Манусакаса станет тем образцом, которому будут следовать в этой работе ее исполнители.

O. Kresten. Das Patriarchat von Konstantinopel im ausgehenden 16. Jahrhundert. Der Bericht des Leontios Eustratios im cod. Tyb. Mb 10: Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar. Wien, 1970

В работе О. Крестена впервые издается текст небольшого сочинения, написанного в 1590 г. Леонтием Евстратием и повествующего о взаимоотношениях константинопольского патриархата и турецкого правительства в 80-х годах XVI в. Хотя факты, о которых идет речь в этом сочинении (интриги против патриарха Иеремии II в 1582—1584 гг., его удаление с престола в феврале 1584 г., новое избрание вселенским патриархом в 1587 г. и поездка в Россию в 1588—1589 гг.), известны из других источников, тем не менее издаваемый текст, вышедший из-под пера человека, бывшего очевидцем описанных им событий и хорошо знавшего многих из упоминаемых им лиц, представляет немалый интерес для историка греческой культуры послевизантийского периода.

Сочинение написано кипрским греком Леонтием Евстратием (между 1560—1566—1600/1602) во время его пребывания в Тюбингене в марте 1590 г. по просьбе Мартина Крузия, живо интересовавшегося положением греческого народа под властью турок и пользовавшегося любой возможностью для собирания необходимых сведений. Текст извлечен О. Крестеном из рукописного сборника конца XVI в. университетской библиотеки в Тюбингене — Tyb. Mb 10, принадлежавшего первоначально (как и 32 других рукописи того же хранилища) Крузию. Семь листов (стр. 385—398 рукописи), на которых находится сочинение, представляют собой — по мнению О. Крестена, основанному на изучении почерка, — автограф Леонтия; текст правлен как рукой самого автора, так и Мартином Крузием.

Работа состоит из трех частей.

1. В первом разделе (стр. 13—37) в сжатой форме изложены основные факты, характеризующие интерес представителей европейской образованности XVI в., и прежде всего — Мартина Крузия, к современной им греческой культуре. Вслед за сведениями о рукописи, по тексту которой осуществляется издание, приводится биография Леонтия Евстратия; наибольшее место здесь отводится описанию путешествия Леонтия из Венеции через Вену в Тюбинген и обстоятельств появления его сочинения. Раздел

¹⁹ А. Παπαδόπουλος-Κεραμύδς. Διάφορα ἑλληνικά γράμματα, σελ. 10—11, πιν. 4.

²⁰ Архим. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Часть первая. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 731.

²¹ Π. Νικολόπουλος — Ν. Οἰκονομίδης. Ἰερά μὸνὴ Διονυσίου. Κατάλογος τοῦ ἀρχείου. — «Σύμμετρητα», 1, 1966, φот. 33.

²² В. Л. Фонкич. О писце рукописи 1644 г., содержащей «Введение в логику» Феофила Коридаллевса. — RESEE, 1974 (в печати).

завершается анализом сочинения — достоверности сообщаемых автором сведений (эти наблюдения Крестена в расширенном и углубленном виде представлены в комментарии — 3-й части книги), особенностей языка сочинения.

2. Стр. 38—51 занимает греческий текст с параллельным немецким переводом. В критическом аппарате отмечены все дополнения и исправления текста, принадлежащие Евстратию и Крузию, конъектуры издателя, определены скрытые цитаты.

3. Текст сопровождается подробным историческим комментарием (стр. 52—86), детальным исследованием всех сообщаемых в сочинении фактов. Работу заключают а) хронологическая таблица с указанием дат описанных Леонтием событий и отсылками к соответствующему месту его записки, б) индекс встречающихся в тексте сочинения собственных имен и в) два фотографических снимка стр. 385—386 тюбингенской рукописи.

Тщательно выполненная публикация интересной записки Леонтия Евстратия, исследование памятника, основанное на знании огромной специальной литературы, делают небольшую аккуратную книжку О. Крестена одной из важных работ по греческой истории конца XVI столетия.

В критической части своей аннотации мы коснемся лишь трех незначительных моментов.

Говоря в обширном примечании на стр. 53 о двух письмах Максима Маргуния — от 7 апреля 1590 г. (№ 16 по Ш. Астриюку) и 19 октября 1590 г. (№ 17), в которых содержится оценка «Туркогреции» Крузия, Крестен указывает на встречающееся в источниках отнесение этих писем то к 1590, то к 1591 гг. Не отдавая предпочтения ни одному из этих двух вариантов, Крестен считает нужным лишь констатировать — на основании анализа содержания писем — предшествование по времени написания письма № 16. Имея возможность изучить рукописную традицию писем Маргуния по 10 спискам, в том числе по еще не известному в специальной литературе, но чрезвычайно важному с точки зрения истории текста корреспонденции Маргуния ленинградскому сборнику ГПБ. греч. 733, мы можем утверждать, что оба интересующих Крестена письма следует относить к 1590 г.

Комментируя сообщение Евстратия о поездке Иеремии II в Москву, Крестен, ссылаясь на Л. Пти, утверждает, что патриарх пробыл в России до конца 1589 г. (стр. 84). Между тем Иеремия II выехал из Москвы уже в мае 1589 г. (ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, № 3, л. 50; см. также указанную выше, в рецензии на книгу М. Мануссакаса, работу А. Я. Шпакова, стр. 348); ноябрем того же года датированы две грамоты Иеремии II, данные на обратном пути из Москвы Львовскому братству — ГПБ, греч. 505 и ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 129, оп. 1, № 105.

Наконец, к указанной на стр. 85 литературе о поездке Иеремии в Россию следует добавить важную работу А. А. Дмитриевского «Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря» (Киев, 1899)

Б. Л. Фонкич